

старые кумиры, которые, держа ее в оковах, совращали с пути оригинального и самостоятельного развития. В этом стремлении, возвышенном и сознательном, состоит главная заслуга покойного. Он был если не представителем, так основателем того направления в нашей литературе, которое, Бог весть почему, назвали *«натуральной школой»*, не разумеющие его важного, народного значения. Как человек, Белинский принадлежал к числу небольшого остатка баснословно-честных людей, которые внутреннего своего судию ставят выше всех благ земных и, в ущерб житейских выгод, ищут только успокоения своей душевной религии. Участь их — страдать, трудиться и быть постоянно обманутыми судьбою и людьми. Но Белинский мог похвалиться перед многими тем, что имел жарких, преданных поклонников и приверженцев. Мир праху твоему, старый товарищ и страдалец!

К. А. ПОЛЕВОЙ

Виссарион Григорьевич Белинский

Мая 26-го скончался в Петербурге Виссарион Григорьевич Белинский. Кто из знавших его не по одной наружности может не поспешить о нем? Он был известен как критик, строгий, запальчивый, иногда несправедливый; но теперь, когда смерть прекратила все общественные отношения его, можно говорить о нем как о человеке и пояснить некоторыми событиями и случаями его жизни литературное его поприще. Я скажу о нем только то, что знаю из личных сношений с ним, продолжавшихся несколько лет; другие скажут больше, и это может послужить к полной характеристике лица, замечательного во многих отношениях.

Не имея привычки расспрашивать и узнавать о происхождении и семейных отношениях человека, встречаемого в порядочном обществе, я и до сих пор не могу сказать, кто был Белинский?

Кажется, дворянин или сын чиновника, из Тамбовской, Пензенской или Симбирской губернии. Около 1835 года он был уже в Москве, с двумя или тремя братьями, готовился поступить в университет, но не мог достигнуть этого, кажется, потому больше всего, что не имел никакого приговорительного образования, то есть не знал ни одного иностранного языка, не знал математики и никогда не изучал мелочей, необходимых для основательных успехов в науках. Это всего лучше показывает, что первоначальное воспитание его было очень плохо, и он явился в кандидаты на ученость с одним знанием русской грамоты и с тем, что вычитал в русских книгах. Между тем ему было уже гораздо за двадцать лет. Природа наградила его умом, пылким и гордым, который страдал от наложенных на него жизнью оков. Он уже рассуждал, мыслил, разбирал все поразившее его; душа его чувствовала сильно и хотела высказаться; время ли было учиться? ...Он начал писать, и первые статьи его, явившиеся в журнале «Телескоп», обратили на себя внимание¹. Некоторые литераторы, особливо из молодежи, хотели узнать нового собрата, и Белинский понравился им своею оригинальностью, живостью своих суждений и благородным стремлением к истине. Все прекрасное поражало и увлекало его; все ложное и пользующееся незаслуженною известностью заставляло говорить и писать обличительные статьи. При таких занятиях он уже не мог думать о поступлении в университет, но желая показать, что это не мешает ему заниматься учеными предметами, он составил «Русскую грамматику»² и рукопись ее поднес попечителю Московского университета. Она была возвращена ему с невыгодными для достоинства ее замечаниями. Тогда он перестал думать об ученом поприще и решился посвятить себя литературе, но положение его было самое затруднительное. «Телескоп» прекратился³; других журналов в Москве не было, следовательно, не было постоянной работы, которая давала бы ему хоть кусок хлеба. Между тем у него на руках были еще младшие братья. Тогда-то Белинский испытал все унижения, к каким ведет бедность... Чем он существовал несколько лет? Истинно непонятно. Это беспрерывно раздражало гордый его характер и расстроило здоровье: он начал кашлять, но, к счастью своему, нашел какой-то случай ехать на Кавказ, пользоваться тамошними водами. Опасный кашель его исчез в целительном климате и при благотворном действии вод. Осенью 1837 года он возвратился в Москву, здоровый, но не меньше прежнего стесненный обстоятельствами. Он почел величайшим одолжением, когда я предложил ему заняться чтением корректурных листов «Деяний Петра Великого», издававшихся мною. Вообще с 1835 по 1838 год

Белинский был в близких и частых сношениях со мною, и я мог хорошо узнать его. Могу сказать по собственному убеждению, что он имел ум светлый, способный понимать самые отвлеченные истины, и душу благородную, доступную всем высоким ощущениям, но, по несчастью, оставленный без образования, ум его отличался всегда какою-то жесткостью, даже дикостью, и это выражалось в сочинениях его, где всегда бывала мысль, но затемненная дурным выражением, а иногда и ребяческою гордостью, которая думает, что только она судит право и непреложно. Прекрасная душа его также была искажена несчастьями и непрерывным стеснением, от чего и характер его сделался желчным, подозрительным, и сам он часто бывал несправедливым и пристрастным в своих суждениях. Если бы рассказать причину размолвки его с покойным братом моим Николаем Алексеевичем, которого сначала превозносил он печатно и изустно, а потом до самой смерти его осуждал как литератора и даже человека, это всего лучше показало бы ребяческую увлекательность Белинского. Но как это происшествие касается не только двоих умерших, то я, без всяких пояснений, скажу, что убежденный в несправедливости его к брату моему, я также расстался с Белинским навсегда. Между тем окруженный удивлявшеюся ему молодежью, особливо после ссоры с братом моим, против которого всегда готовы были ратоборствовать многие писатели, Белинский принял на себя редакцию «Московского наблюдателя», которого, однако ж, не мог поддержать от падения⁴. Тогда-то переселился он в Петербург и несколько лет принимал деятельное участие в критике «Отечественных записок», а с 1847 года в критике «Современника». В последний год он провел несколько месяцев за границею, для излечения от тяжелой болезни; но болезнь эта была — чахотка, и он возвратился в отечество — сострадать и умереть.

Кроме бесчисленных критических статей, которые составили бы много томов, если бы издавались отдельно, Белинский написал упомянутую нами «Русскую грамматику» (напечатана одна первая часть) и одну пьесу для театра, представленную на Московском театре в бенефис г-на Щепкина, для которого собственно хотел Белинский создать достойную его роль⁵. Кроме того, напечатаны им отдельно биография поэта Кольцова и взгляд на литературные заслуги А. Полевого⁶, но обе эти статьи входят в разряд критики, так что кроме бенефисной пьесы, написанной случайно и не имеющей почти никаких достоинств, и начала «Русской грамматики» вся литературная деятельность Белинского ограничивалась критикою. Явление странное и почти прискорбное!.. Правда, что

есть люди с особенным даром к критике (которую можно назвать десятою музою, порожденною новою литературою), но растратить все свое дарование на литературную критику и не дать ему отдыха ни над одним самобытным созданием в протяжении всех годов своей жизни — это явление вынужденное, насильственное и потому уже грустное. Как ни старался Белинский разнообразить свои критические статьи, перебирал старых и новых русских писателей, нападал на предрассудки и ложные учения, но не смог избежать несправедливости, многих противоречий и раздражения, необходимого при таком характере, как его. К тому же критика сделалась для него ремеслом, и часто он писал для того только, чтобы писать. Это было причиной, что некоторые статьи его скучны, растянуты, наполнены противоречиями. Вкус его, не изощренный ни основательным учением, ни собственными упражнениями в литературе, ни даже систематическим и разнообразным чтением, часто увлекал его в пошлости и в безобразии выражений и слога. Что останется от всей груды его критик? Несколько идей, дурно выраженных. Но это-то именно и заставляет жалеть о даровании, угнетенном и погибшем под гнетом обстоятельств. Если б Белинский был плохой и бездарный писатель, можно бы только пожелать ему вечного успокоения; но у него был прекрасный, светлый ум, благородная душа и пылкое сердце, часто увлекавшее его за пределы благоразумия и даже справедливости. Слишком поздно принявшись за книги и учение, он не мог приобрести образованности, не мог смирить гордого своего ума и впадал в ошибки, не имел мужества сознаваться в них. Нужда заставила его слишком рано броситься на литературное поприще и сделаться ремесленником-критиком; обиды счастья тяготили его душу и расстроили его здоровье, которое в свою очередь действовало на его нравственное расположение. Всегда угнетаемый нуждою, часто бедностью, всегда больной, он вечно был в желчном расположении, и это отравляло всю его жизнь. Превосходный урок, что самый твердый ум слаб перед ударами нужды и нездоровья! При других обстоятельствах дарование Белинского могло бы развиваться в блистательных явлениях; теперь, мы только жалеем об умершем собрате, жалеем об его необыкновенном уме и многих прекрасных свойствах, которых не мог он развить на пользу и славу своего отечества. О нем остается только память как о добром и умном страдальце, и приятная рука со вздохом бросает цветок на могилу его!

